

УДК 903.22

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.393.404>**ШЛЕМ ОЙРАТСКОГО ВОИНА ИЗ СОБРАНИЯ АКМОЛИНСКОГО
ОБЛАСТНОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ¹****©2020 г. Л.А. Бобров, А.К. Кушкумбаев**

В статье рассмотрен клепаный железный шлем (ГИН 148), хранящийся в Акмолинском областном историко-краеведческом музее (АОИКМ), г. Кокшетау, Республика Казахстан. Первоначально шлем был атрибутирован казахстанскими исследователями, как «русский», а впоследствии, как «казахский». Проведенный типологический анализ позволил уточнить датировку и атрибуцию наголовья. По материалу изготовления шлем ГИН 148 из собрания АОИКМ относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу клепанных, по форме купола – к типу сфероконических. Общая высота наголовья – 24,5 см, диаметр – 21,0 см. Установлено, что шлем ГИН 148 относится к особой группе шлемов ойрато-казахского пограничья периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. В настоящее время авторам известно о 18 подобных шлемах, которые происходят с территории Казахстана, Монголии, России (Поволжье, Южная Сибирь) и Северо-Западного Китая. Отличительной особенностью конструкции шлемов серии является клепанная четырехчастная тулья, дополненная «каркасом», состоящим из узких накладок с ровным краем и узкого обруча (или двух обручей), расположенного значительно выше нижней кромки шлема. Анализ А-образных фиксаторов бармицы показал, что они могут быть атрибутированы, как изображение санскритских слогов «та» (выполненных письмом ланьча), традиционно входивших в состав многих буддийских мантр. Изображения санскритских знаков «та», «ом» и др. неоднократно встречаются на предметах защитного вооружения ойратского производства XVII – середины XVIII вв. (шлемах, панцирях и т.д.), хранящихся в российских и иностранных музейных и частных собраниях. Особенности конструкции шлема из АОИКМ, а также наличие в его оформлении буддийской символики, свидетельствуют в пользу того, что данное наголовье было изготовлено ойратскими (джунгарскими или калмыцкими) оружейниками XVII – середины XVIII вв. Весьма вероятно, что впоследствии шлем мог попасть в руки казахских кочевников и применяться в качестве боевого наголовья вплоть до середины XIX в. включительно.

Ключевые слова: Казахстан, ойраты, джунгары, калмыки, ойратский доспех, ойратский шлем.

**OIRAT WARRIOR'S HELMET FROM THE AKMOLA
REGIONAL HISTORY MUSEUM COLLECTION²****L.A. Bobrov, A.K. Kushkumbaev**

The article provides a detailed analysis of a riveted iron helmet (GIN 148) deposited in the Akmola Regional History Museum (ARHM), Kokshetau, the Republic of Kazakhstan. Initially the helmet was identified as "Russian" by Kazakhstan researchers, and subsequently reclassified as "Kazakh". A typological analysis conducted by the authors has provided more precise dating and attribution of the helmet. The helmet belongs to the class of iron helmets in terms of material, to the riveted class in terms of crown design, and to the spherokonical type in terms of the dome shape. Its total height is 24.5 cm, and the diameter is 21.0 cm. It has been confirmed that the helmet GIN 148 belongs to a special group of helmets of the Oirat-Kazakh borderland of the late Middle Ages or the early Modern times. Currently 18 similar helmets have been identified by researchers, which originate from the territory of Kazakhstan, Mongolia, Russia (Volga region, Southern Siberia) and North-Western China. A distinctive feature of this series of helmets is a riveted four-plate crown supplemented by a "carcass" consisting of narrow overlays with a flat edge and a narrow hoop (or two hoops) fitted much higher than the bottom edge of the helmet. An analysis of the A-shaped chain mesh fixers revealed that they can be attributed to the image of the Sanskrit syllables "ma" (written in Lancha letters), traditionally included in many Buddhist mantras. Images of the Sanskrit signs "ma", "om", etc. have been found on numerous protective weapons of Oirat manufacture (helmets, shells, etc.) dated the 17th - mid-18th centuries and deposited in Russian and foreign museum and private collections. Specific features of the helmet from the Aktobe Regional

¹ Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9.

² The study was conducted within the framework of the state task in the field of scientific activity (project No. 33.5677.2017 / 8.9.

Museum of History and Local Lore as well as Buddhist symbols in its design indicate that this headpiece was crafted by Oirat (Jungar or Kalmyk) armourers in the 17th–mid-18th centuries. It is very likely that the helmet could have subsequently fallen into the hands of Kazakh nomads and could be used as a headpiece until the mid-19th century.

Keywords: Kazakhstan, the Oirats, the Dzhungars, the Kalmyks, Oirat armour, Oirat helmet.

Исторический период, охватывающий XVII – первую половину XVIII вв., не случайно именуется в научной литературе «Эпохой малого монгольского (ойратского) нашествия». Это было время последнего масштабного всплеска военно-политической активности монголоязычных кочевников Центральной Азии. В первой половине – середине XVII в. ареал военной активности ойратов включал огромные пространства внутренней Евразии от причерноморских степей на западе до Тибета на востоке, и от лесов Западной Сибири на севере до пустынь Мавераннахра на юге. В конце XVII в. войска Галдана Бошукту-хана оккупировали большую часть Монголии и вышли к Великой Китайской стене. В первой половине XVIII в. джунгарские хунтайджи контролировали значительную часть Центрального, Южного и Юго-Восточного Казахстана, практически весь Восточный Туркестан и Горный Алтай. В свою очередь западные ойраты (вожские калмыки) стали одним из основных союзников Российского государства в войнах с крымскими татарами и ногаями. Калмыцкие отряды неоднократно вторгались в Крым и земли черкесов, вели боевые действия на территории Правобережной и Левобережной Украины, в причерноморских степях, на Кубани и в степях Западного Казахстана. Под ударами калмыков пала Большая Ногайская орда. Весьма значительный вклад внесли калмыки и в победы российской армии над войсками Крымского ханства и его союзников в военных конфликтах первой половины – середины XVIII в. Таким образом, ойраты сыграли важную роль в исторической судьбе многих народов Восточной Европы, Северного Кавказа, Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии (Чимитдоржиев, 1979, с. 6–65; Златкин, 1983, с. 178–209; Цюрюмов, Батыров, 2006, с. 12–78; Тепкеев, 2012, с. 11–84, 112–172, 212–215, 318–341; Бобров, Рюмшин, 2015, с. 357–367). В настоящее время тысячи предметов ойратского вооружения хранятся в музейных и частных собраниях России, Казахстана, Монголии, Китая, Узбекистана, а также США, Великобритании и других стран. Введение их в научный оборот является актуальной науч-

ной задачей (Бобров, 2011, с. 3, 4, 17–20, 29, 30).

В Акмолинском областном историко-краеведческом музее (АОИКМ, г. Кокшетау, Республика Казахстан) хранится клепаный железный шлем (ГИН 148) представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных оружейников, археологов и военных историков (рис. 1)³.

Согласно акту приемки-сдачи № 148 (Приложение № 149) от 20 марта 1951 г. рассматриваемый образец защитного вооружения был первоначально атрибутирован, как «Шлем (головной убор древнерусского воина)». В акте также сообщалось, что наголовье имеет плохую сохранность и покрыто ржавчиной.

По данным сотрудников музея, шлем относится к числу случайных находок. Он был обнаружен местными жителями на территории Северного Казахстана (нынешняя Северо-Казахстанская, по другим данным, Акмолинская область Республики Казахстан). К сожалению, иные обстоятельства поступления шлема в музейное собрание установить не удалось. Однако известно, что уже в 1951 г. он был помещен в один из стендов музейной экспозиции. Существенные реставрационные работы с ним не проводились. В настоящее время наголовье продолжает экспонироваться в АОИКМ, вместе с другими предметами вооружения, датированными периодами позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Информация о шлеме была впервые введена в научный оборот Л.А. Бобровым и А.К. Кушкумбаевым в 2010 г. (Бобров, Кушкумбаев, 2010, с. 34, 36, 37). Авторы данной публикации дали краткое описание конструкции и системы оформления шлема, а также предположили, что он был изготовлен ойратскими (джунгарскими, калмыцкими) мастерами (Бобров, Кушкумбаев, 2010, с. 37). В 2015 г.

³ Авторы выражают благодарность заместителю директора по науке АОИКМ Кунанбаевой Алме Сунгатовой, с.н.с. отдела учета и хранения фондов АОИКМ Жакуповой Дамеле Тайгаровне, н.с. отдела учета и хранения фондов Укееву Жасулан Каримулы за помощь и возможность детально ознакомиться со шлемом.

К.С. Ахметжан отнес данное боевое наголовье к числу «казахских шлемов» (Ахметжан, 2015, с. 51, рис. 18, 11; с. 53, рис. 19, 6).

Целью настоящей статьи является подробное описание конструкции и системы оформления шлема ГИН 148 из АОИМК, а также уточнение его датировки и атрибуции.

Главным методологическим основанием научных исследований, по изучению комплекса защитного вооружения (в том числе боевых наголовий) народов Евразии эпохи Средневековья и раннего Нового времени, являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу, отдельные панцирные элементы и комплексы защитного вооружения, изучаются, как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение).

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов в оружейведческих работах традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапе реконструкции защитных элементов задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных, и изобразительных источников.

По материалу изготовления шлем ГИН 148 из собрания АОИМК относится к классу железных, по конструкции тульи к отделу клепанных, по форме купола к типу сфероколических. Общая высота наголовья – 24,5 см, диаметр – 21,0 см (рис. 2).

Тулья шлема склепана из четырех пластин-секторов, стыки которых прикрыты узкими накладками с ровным краем и продольным ребром жесткости (ширина накладок – около

1 см.). Все четыре пластины тульи имеют механические повреждения в виде пробоин, проломов и (или) вмятин. Некоторые повреждения могут быть атрибутированы, как следы рубящих и дробящих ударов. Не исключено, что данные повреждения могли быть нанесены еще в период эксплуатации наголовья.

Верхняя часть тульи деформирована в результате чего, концы накладок, не примыкают к подвершию шлема встык, а нависают над пластинами тульи (рис. 1–3).

Элементы тульи соединены между собой с помощью металлических заклепок. Головки заклепок на внешней стороне шлема (на поверхности пластин и накладок) более или менее тщательно зашлифованы. Часть заклепок, соединяющих пластины тульи между собой, снабжены подпрямоугольными железными подложками на внутренней стороне купола шлема (рис. 4).

Пластины тульи незначительно перекрывают друг друга, благодаря чему стыковочные швы имеют три слоя защиты (два листа пластин тульи, поверх которых располагается вертикальная накладка с ребром жесткости). Накладка на тыльной стороне шлема удалена, из-за чего швы тульи частично разошлись (рис. 5).

Дополнительным фиксатором пластин тульи являются два узких железных обруча опоясывающих шлем на некотором расстоянии друг от друга (рис. 3). По своему оформлению, как нижний («височный»), так и верхний («лобно-затылочный») обруч весьма напоминают вертикальные накладки, прикрывающие стыки пластин тульи шлема. Так, в частности, они имеют ровный край и продольное ребро жесткости, а также схожую толщину и ширину (рис. 1–3). Оба обруча являются составными. К сожалению, с левой стороны шлема, фрагменты обручей удалены (рис. 4; 5), однако сохранившиеся элементы позволяют предположить, что верхний («лобно-затылочный») обруч состоял из трех, а нижний («височный») – из четырех частей.

Так как нижний конец вертикальных накладок не перекрывает обручи, а крепится встык, стыковочный шов пластин тульи, между верхним и нижним обручем, остается не прикрытым. Для его защиты мастер использовал дополнительные короткие железные накладки с ребром жесткости. Из четырех коротких накладок до нашего времени дошла только одна – на правой стороне наголовья (рис. 3). Однако на наличие аналогичных конструк-

тивных элементов на других сторонах шлема свидетельствуют одинарные сквозные отверстия на налобной, затылочной и левой боковой частях наголовья (рис. 2; 4; 5).

Узкий обруч вместе с вертикальными накладками, прикрывающими стыки пластин тульи, образует своеобразный «каркас» шлема. Последний не только фиксирует элементы купола между собой, но и выполняет функцию ребер жесткости (то есть усиливает конструкцию наголовья), защищая, в том числе, самые уязвимые места тульи – стыковочные швы.

К налобной части шлема приклепан так называемый «коробчатый» козырек (ширина – 1,5 см), состоящий из узкой горизонтальной пластины – «полки» и вертикального «щитка» (рис. 1–4). Удлиненно-овальная «полка» козырька имеет гладкую поверхность. «Щиток» украшен по своему верхнему и нижнему краю продольными линиями. В его боковые лопасти (отделенные от основного поля «щитка» вертикальными желобками) вбиты заклепки, соединяющие козырек с куполом шлема (рис. 1–3). Вертикальное ребро жесткости по центру «щитка» выражено крайне слабо и визуально почти не фиксируется (рис. 6).

Венчает шлем двухчастное навершие состоящее из цилиндрического подвешия (пластины-основания) и фигурной трубки-втулки для плюмажа (рис. 1–5). Подвешие шлема выковано в виде «наперстка», нижний край которого оформлен остроугольными фестонами. Центральная часть цилиндра украшена горизонтальными полосами, выполненными в технике гравировки. Трубка-втулка (высота – 5,5 см) изготовлена в виде миниатюрного «горшка» или «вазы» с широким низким горлышком (рис. 1–5). Навершие крепится к тулье с помощью специального штифта и бляхи на внутренней стороне купола шлема (рис. 7).

Вдоль нижнего края тульи шлема пробиты сквозные отверстия, в которые вставлены фигурные фиксаторы бармицы наголовья (рис. 1–5; 7). Последние выполнены в виде плоских бляшек характерной А-образной формы. В отверстия на бляшках, вероятно, продевался металлический прут, к которому подвешивалась бармица. В противном случае, через указанные отверстия в пластинках могли пропускаться тонкие ремешки или завязки бармицы, с помощью которых она крепилась к наголовью. Анализ бляшек пока-

зал, что они были выполнены одновременно с другими элементами шлема и не являются позднейшим добавлением (рис. 1–5; 7).

Система крепления защиты шеи позволяет предположить, что в своей первоначальной комплектации шлем мог быть снабжен кольчатой, пластинчато-нашивной или стеганой бармицей различных видов покроя. Дошедшие до нашего времени подлинные образцы центральноазиатского защитного вооружения свидетельствуют, что в ходе эксплуатации шлема, оригинальные бармицы (в случае необходимости) могли снабжаться новыми конструктивными элементами, усиливаться, реконструироваться, неоднократно ремонтироваться и, даже, заменяться на принципиально иные виды защитных элементов (Бобров, 2009, с. 251–254; Бобров, Худяков, 2011, с. 43–52).

Наголовье ГИН 148 из собрания АОИМК может быть датировано и атрибутировано на основании особенностей конструкции и системы оформления тульи и шлемовых элементов.

Клепанные железные шлемы с четырехчастной тульей, узкими ребристыми накладками с ровным краем, узким выпуклым обручем, цилиндрическим подвешием с трубкой-втулкой для плюмажа являются популярной разновидностью боевых наголовий кочевников Центральной Азии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. Для более ранних исторических периодов подобные шлемы, в целом, не характерны (Горелик, 1983, с. 262; Бобров, Худяков, 2008, с. 426, 432; Ахметжан, 2015, с. 51, 53).

Наряду с тульей, важным датирующим признаком шлема является «коробчатый» козырек, состоящий из «полки» и «щитка». Козырек данной конструкции является традиционным элементом оформления боевых и парадных наголовий монгольских и тюркских кочевников Центральной Азии XV–XVIII вв. (LaRocca, 2006, с. 73–75, 77–79, 91, 99; Бобров, Худяков, 2008, с. 418, 426, 432, 440–444, 446, 447, 450–452; Анисимова, 2013, с. 276, 277; Ахметжан, 2015, с. 51, 53).

Металлические, деревянные и костяные трубки-втулки для плюмажа, выполненные в форме миниатюрного «горшка» или «вазы», наиболее часто встречаются на боевых наголовьях кочевников Казахстана и сопредельных территорий XVII–XVIII вв. (Бобров, Кушкумбаев, 2010, с. 35; Ахметжан, 2015, с. 21, рис. 21, 1, 6, 7, 9, с. 61, рис. 23, 4, 5;

Бобров, Худяков, 2008, с. 446–447)⁴. Однако держатели плюмажа подобной конструкции применялись и в других регионах Центральной Азии. Так, например, в Музее искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) хранится шлем принадлежавший бутанскому панцирнику XVIII в. (№ 36.25.25). Наголовье снабжено позолоченной «горшкообразной» железной втулкой, форма которой, весьма близка трубке шлема из АОИМК (LaRossa, 2006, p. 134–136). При этом сложный прорезной и гравированный узор (включающий элементы буддийской символики) на втулке шлема из Метрополитен свидетельствует, что он не является импортом с территории Казахстана, а был изготовлен бутанскими, тибетскими, ойратскими или монгольскими мастерами.

По совокупности признаков, наголовье из АОИМК может быть отнесено к особой группе шлемов, которая в настоящее время насчитывает 18 экз., хранящихся в музейных и частных коллекциях России, Казахстана, Монголии, Китая, Узбекистана и др. стран. Отличительной особенностью данных наголовий является цилиндроконическая, полусферическая или сфероконическая тулья, склепанная из четырех пластин-секторов. Стыки пластин тульи прикрыты узкими выпуклыми или гранеными накладками с ровным краем, которые крепятся встык с выпуклым (граненым) горизонтальным пояском (обручем), охватывающим шлем значительно выше нижней кромки купола⁵. Вертикальные накладки и горизонтальный пояс (узкий обруч) образуют декоративный «каркас», который является характерным элементом оформления шлемов данной группы. Большинство наголовий серии увенчаны навершиями состоящими из цилиндрического подвершия и трубки-втулки для плюмажа⁶.

Шлемы данной группы на основании особенностей конструкции и системы оформления («коробчатые» козырьки, форма навершия, накладок и т.д.) датируются эпохой позднего Средневековья и раннего Нового времени

⁴ Их генезис, вероятно, связан с эволюцией традиционных цилиндрических втулок центральноазиатских кочевников с шаровидным «яблоком» в центральной части трубки (Бобров, Худяков, 2008, с. 418, 423, 444).

⁵ В некоторых случаях (как и на шлеме из АОИМК) тулья шлема перехвачена не одним, а двумя узкими обручами.

⁶ Трубки-втулки сохранились не у всех шлемов серии, однако на их наличие указывают отверстия на верхней плоскости подвершия наголовий.

(Бобров, Худяков, 2008, с. 422–423, 432, рис. 163; Ахметжан, 2015, с. 51, рис. 18, 8–11, 13, с. 53, рис.19, 6–10). Значительно сложнее определить этническую принадлежность мастеров, изготовлявших подобные наголовья. Так, например, К. С. Ахметжан, проанализировавший данную серию шлемов, отнес их к комплексу вооружения казахских воинов (Ахметжан, 2015, с. 51, рис. 18, 8–11, 13, с. 53, рис.19, 6–10). Действительно, 8 из 18 шлемов серии, происходят с территории Казахстана. Однако, другие 10 наголовий были обнаружены в Поволжье (1 экз.), Южной Сибири (2 экз.), Узбекистане (2 экз.), Северо-Западном Китае (2 экз.) и Монголии (3 экз.). То есть на землях, которые, на протяжении указанного исторического периода, не являлись местом постоянного проживания казахских кочевников. Так же следует учитывать, что в XVII – первой половине XVIII вв. обширные районы нынешнего Казахстана находились под контролем Джунгарии – государства основанного ойратскими кочевниками. Некоторые предметы вооружения, найденные на территории Казахстана (в том числе шлемы), имеют не казахское, а ойратское происхождение (Бобров, Худяков, 2008, с. 445, 460, рис. 190). Ареал военной активности ойратов (джунгар, волжских и «чакарских» калмыков) включал территорию Монголии, Казахстана, Южной Сибири, Восточного Туркестана (в настоящее время – Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР), Северного Прикаспия и Поволжья (Бобров, Худяков, 2008, с. 465–466; Тепкеев, 2012), что соответствует географии находок шлемов серии. В пользу ойратского происхождения свидетельствуют и некоторые особенности конструкции и оформления ряда шлемов серии, в частности, цилиндрические подвершия, форма накладок и козырька, орнамент, включающий буддийскую символику (свастика, надписи и знаки на санскрите) и т.д.⁷

В данной связи, особо важную роль в атрибуции шлема из АОИМК начинают играть упомянутые выше фиксаторы бармицы, имеющие сложную вырезную А-образную форму (рис. 1–5, 7, 8, 1). Дополнительное изучение фиксаторов показало, что объяснить применение подобных конструктивных элементов исключительно их функциональными свойствами не представляется возможным

⁷ Что не исключает возможность того, что часть шлемов серии могла быть выкована казахскими и среднеазиатскими мастерами.

(значительно более простые в изготовлении железные петли или шлемовые «болты» удерживали бы бармицу не менее надежно). Поиск аналогов дал весьма интересные результаты. Так, в частности, установлено, что пластинки А-образной формы, а также изображения подобных и схожих по внешнему виду символов являются характерным элементом оформления ойратских панцирей и шлемов XVII – середины XVIII вв.

Так, например, десятки аналогичных пластинок использованы при оформлении джунгарского пластинчато-нашивного доспеха из собрания МАЭС ТГУ (Бобров, Ожередов, 2010, с. 16–20, 30, 33, 34, 36, 38, 40, 42–45, фото 1, 2, 5–10). Близкие по форме и стилистике символы изображены на тулье ойратского сфероцилиндрического шлема из собрания ТГИАМЗ (Бобров, Худяков, 2008, с. 440, 441, с. 460, рис. 190, 2), подвершии ойратского узкопластинчатого шлема из Музея искусств Метрополитен (2005.146), налобной части ойратского или монгольского цилиндрического шлема из собрания Государственного Эрмитажа (ГЭ 1550) и др. (рис. 8).

Согласно данным научного сотрудника отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН В.П. Зайцева указанные знаки могут быть атрибутированы как изображения выполненные письмом «ланьча» санскритских слогов «та» (на шлеме из АОИМК и на панцире из МАЭС ТГУ), «а», «ом», и др., традиционно входивших в состав многих буддийский мантр (Bobrov, Zaytsev, Orlenko, Salnikov, 2017, с. 1153–1155)⁸.

Таким образом, конструкция наголовья, а также наличие в его оформлении буддийской символики свидетельствуют в пользу того, что шлем ГИН 148 из собрания АОИМК был выкован ойратскими (джунгарскими или калмыцкими) оружейниками. Возможная нижняя граница изготовления шлема локализуется временем распространения ламаизма среди ойратов, т.е. 10-ми гг. XVII в., а верхняя – серединой XVIII в. Именно в этот период, Джунгария подверглась масштабному разгрому со стороны цинских, кокандских и казахских войск, при этом основные оружейные

производственные центры «Последней Кочевой империи» были разрушены. Примерно в тот же период наблюдается и ухудшение снабжения доспехами волжских калмыков, большая часть которых в 1771 г. покинула берега Волги и откочевала в Центральную Азию.

В то же время факт изготовления рассматриваемого шлема ойратскими мастерами, не исключает возможности использования его в дальнейшем казахскими воинами. Известно, что, в середине XVIII в. (после разгрома Джунгарии и «Пыльного похода» 1771 г.) отдельные группы ойратов влились в состав казахского народа. Ойратские пленные, мигранты и их потомки составили основу дружин толенгутов таких казахских правителей, как Абылай (1711–1780 гг.) и Кенесары (1802–1847 гг.) (Национально-освободительная борьба..., 1996, с. 399). Ойратские формирования входили в состав армий среднеазиатских народов. Так, например, в XVIII в. гвардия из ойратов была создана в Бухарском ханстве (Чимитдоржиев, 1979, с. 25). Ойратские воинские подразделения имелись также в Кокандском ханстве и на службе у уйгурских правителей. Естественно, что ойраты переходили к соседям вместе со своим вооружением, которое могло изыматься и использоваться их новыми покровителями, или сохраняться у ойратских воинов, которые теперь входили в состав войск тюркских народов. В пользу возможности использования казахскими воинами ойратского шлема ГИН 148 из АОИМК свидетельствует «вазообразная» трубка-втулка, которая достаточно часто встречается на боевых наголовьях номадов Казахстана.

Проведенный типологический анализ позволил уточнить датировку и атрибуцию шлема ГИН 148 из АОИМК. Особенности конструкции наголовья и наличие в его оформлении буддийской символики дают основание полагать, что шлем был изготовлен ойратскими (калмыцкими или джунгарскими) оружейниками XVII – середины XVIII вв. Впоследствии он мог попасть в руки казахских кочевников и применяться в качестве боевого наголовья вплоть до середины XIX в. включительно.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. 527 с.

Ахметжан К.С. Боевые шлемы казахов (история, истоки, традиции). Астана, 2015. 102 с.

⁸ Авторы выражают благодарность В.П. Зайцеву за содействие в атрибуции буддийской символики на шлеме из АОИМК.

Бобров Л.А. «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8. № 3. С. 251–254.

Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX вв. Автореф. Дисс... док. истор. наук. Барнаул, 2011. 54 с.

Бобров Л.А., Кушкумбаев А.К. Боевые шлемы из музейной коллекции Акмолинского областного историко-краеведческого музея // Акмолинскому областному историко-краеведческому музею 90 лет. Кокшетау: Акмол. обл. ист.-краевед. музей, 2010. С. 33–38.

Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Материалы и исследования Древней, Средневековой и Новой истории Северной и Центральной Азии Т. III. вып. 1. / Отв. ред. Ю.И. Ожередов. Томск: Томский государственный университет, 2010. С. 7–64.

Бобров Л.А., Рюмишн М.А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 8. Казань: Фолиант; Институт истории им.Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 357–378.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Шлемы сибирских воинов (из собрания Тобольского государственного историко-краеведческого музея-заповедника) // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3 / Отв. ред. Б.Р. Рахимзянов. Казань: Ихлас, 2011. С. 43–52.

Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244–269.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1983. 332 с.

Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова. / Отв. ред. М. К. Козыбаев. Алматы: Гылым, 1996. 512 с.

Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2012. 376 с.

Цюрюмов А.В., Батыров В.В. Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: АО «НПП» Джангар», 2006. 95 с.

Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1979. 86 с.

Bobrov L.A., Zaytsev V.P., Orlenko S.P., Salnikov A.V. The Late Jurchen (Early Manchu) Helmet of the Second Half of the 1610s to the Mid-1630s from the Collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin // Былые годы. 2017. Т. 46. № 4. С. 1140–1173.

LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: Yale University Press, 2006. 307 p.

Информация об авторах:

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, доцент Кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск, Россия); spsml@mail.ru

Кушкумбаев Айболат Кайрслямович, доктор исторических наук, профессор Кафедры Регионоведения Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, главный научный сотрудник Центра межэтнических отношений и толерантности Ассамблеи народа Казахстана ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан); aibolat7@mail.ru

REFERENCES

Anisimova, M. A. 2013. *Oruzhie Vostoka XV – pervoi poloviny XX veka: iz sobraniia Voенno-istoricheskogo muzeia artillerii, inzhenernyh vojsk i vojsk svjazi (Weapons of the East of the 15th - First Half of the 20th Centuries: from the Collection of the Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps)*. Saint Petersburg: “Atlant” Pub. (in Russian).

Akhmetzhan, K. S. 2015. *Boevye shlemy kazakhov (istoriia, istoki, traditsii) (Battle Helmets of the Kazakhs (History, Origins, Traditions))*. Astana (in Russian).

Bobrov, L. A. 2009. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 8 (3), 251–254 (in Russian).

Bobrov, L. A. 2011. *Osnovnye napravleniia evolutsii kompleksov zashchitnogo vooruzheniia narodov Central'noi, Srednei i kontinental'noi Vostochnoi Azii vtoroi poloviny XIV– XIX vv. (Main directions in the Evolution of the Complexes of Protective Weapons of the Peoples of Central, Middle and Continental Eastern Asia in the Second Half of the 14th - 19th cc.)* Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Barnaul (in Russian).

Bobrov, L. A., Kushkumbaev, A. K. 2010. In *Akmolinskomu oblastnomu istoriko-kraevedcheskomu muzeiu 90 let (The 90st Anniversary of Akmola Regional Museum of Local History)*. Kokshetau: Aqmola regional historical museum, 33–38 (in Russian).

Bobrov, L. A., Ozheredov, Yu. I. 2010. In Ozheredov, Yu. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia drevnei, srednevekovoi, i novoi istorii Severnoi i Tsentral'noi Azii (Materials and Studies on the Ancient, Medieval and Modern History of Northern and Central Asia)* III. Tomsk: Tomsk State University, 7–64 (in Russian).

Bobrov, L. A., Ryumshin, M. A. 2015. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 8. Kazan: “Foliant” Publ.; Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 357–378 (in Russian).

Bobrov, L. A., Khudyakov, Yu. S. 2008. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). (Armament and Tactics of the Central Asian and South Siberian Nomads in the Late Middle Ages and the Early Modern Time (15th - first half of 18th cc.))*. Saint Petersburg: Faculty of Filology, Saint Petersburg State University (in Russian).

Bobrov, L. A., Khudyakov Yu. S. 2011. In Rakhimzyanov, B. R. (ed.). *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 3. Kazan: “Ikhlas” Publ., 43–52 (in Russian).

Gorelik, M. V. 1983. In Rybakov, B. A. (ed.). *Kulikovskaya bitva v istorii i kul'ture nashey Rodiny (The Battle of Kulikovo in the History and Culture of our Country)*. Moscow: Moscow State University Publ., 244–269 (in Russian).

Zlatkin, I. Ya. 1983. *Istorii Dzhunfarskogo khanstva (1635–1758). (History of the Dzungarian khanate (1635-1758))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kozybaev, M. K. (ed.). 1996. *Natsional'no-osvoboditel'naia bor'ba kazakhskogo naroda pod predvoditel'stvom Kenesary Kasymova (National Liberation Struggle of the Kazakh People Led by Kenesary Kasymov)*. Almaty: “Gylym” Publ. (in Russian).

Tepkeev, V. T. 2012. *Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroi treti XVII veka (The Kalmyks in the Northern Caspian Region in the Second Third of the 17th Century)*. Elista: “Dzhanfar” Publ. (in Russian).

Tsyuryumov, A. V., Batyrov, V. V. 2006. *Kalmytskoe khanstvo v rossiisko-krymskikh otnosheniakh (XVIII v.). (Kalmyk Khanate in Russian-Crimean Relations (18th c.))* Elista (in Russian).

Chimitdorzhiev, Sh. B. 1979. *Vzaimootnosheniia Mongolii i Srednei Azii v XVII–XVIII vv. (The relationship between Mongolia and Central Asia in the 17th-18th cc.)* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Bobrov, L. A., Zaytsev, V. P., Orlenko, S. P., Salnikov, A. V. 2017. In *Bylye gody (Bygone Years)* 4 vol. 46, 1140–1173 (in English).

LaRocca, D. 2006. *Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet*. New York: Yale University Press (in English).

About the Authors:

Bobrov Leonid A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University, Pirogov Str. 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; spsml@mail.ru

Kushkumbaev Aibolat K., Doctor of History; Professor of the Department of Regional Studies of the L.N. Gumilyov Eurasian National University, chief researcher at the Center for Inter-Ethnic Relations and Tolerance of the Assembly of People of Kazakhstan, L.N. Gumilyov ENU Satpayev Str., 2, Nur-Sultan, 010008, Republic of Kazakhstan; aibolat7@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Рис. 1. Шлем ГИН 148, АОИКМ, г.
Кокшетау, РК (фото Ж. Укеева).
Fig. 1. Helmet GIN 148, Aktobe Regional
Museum of History and Local Lore,
Kokshetau, the Republic of Kazakhstan
(photo by Z. Ukeev).

Рис. 2. Шлем ГИН 148, АОИКМ, г.
Кокшетау, РК. Вид спереди
(фото Ж. Укеева).

Fig. 2. Helmet GIN 148, Aktobe Regional Mu-
seum of History and Local Lore, Kokshetau,
the Republic of Kazakhstan. Front view (photo
by Z. Ukeev).

Рис. 3. Шлем ГИН 148, АОИМК,
г. Кокшетау, РК. Вид справа
(фото Ж. Укеева).

Fig. 3. Helmet GIN 148, Aktobe Regional
Museum of History and Local Lore, Kokshetau,
the Republic of Kazakhstan. Right view (photo
by Z. Ukeev).

Рис. 4. Шлем ГИН 148, АОИМК,
г. Кокшетау, РК. Вид слева
(фото Ж. Укеева).

Fig. 4. Helmet GIN 148, Aktobe Regional
Museum of History and Local Lore, Kok-
shetau, the Republic of Kazakhstan. Left
view (photo by Z. Ukeev).

Рис. 5. Шлем ГИН 148, АОИКМ, г. Кокшетау, РК. Вид сзади (фото Ж. Укеева).

Fig. 5. Helmet GIN 148, Aktobe Regional Museum of History and Local Lore, Kokshetau, the Republic of Kazakhstan. Rear view (photo by Z. Ukeev).

Рис. 6. Шлем ГИН 148, АОИКМ, г. Кокшетау, РК. Вид сверху (фото Ж. Укеева).

Fig. 6. Helmet GIN 148, Aktobe Regional Museum of History and Local Lore, Kokshetau, the Republic of Kazakhstan. Top view (photo by Z. Ukeev).

Рис. 7. Шлем ГИН 148, АОИМК, г. Кокшетау, РК. Вид снизу (фото Ж. Укеева).

Fig. 7. Helmet GIN 148, Aktobe Regional Museum of History and Local Lore, Kokshetau, the Republic of Kazakhstan. Bottom view (photo by Z. Ukeev).

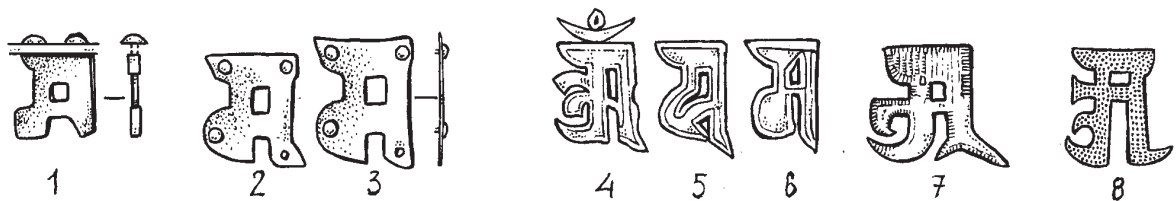

Рис. 8. Буддийская символика на ойратском и монгольском защитном вооружении: 1 – фиксаторы бармицы шлема, ГИН 148, АОИМК; 2, 3 – накладки пластин джунгарского панциря, МАЭС ТГУ; 4-6 – монгольский шлем, 1999.120, Музей искусств Метрополитен; 7 – ойратский или монгольский шлем, ГЭ 1550; 8 – Ойратский сфероцилиндрический шлем, ТГИАМЗ.

Fig. 8. Buddhist symbols on Oirat and Mongol defensive armament: 1 – helmet aventail clamps, GIN 148, Aktobe Regional Museum of History and Local Lore; 2, 3 – Junggar armor plates, Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia at Tomsk State University; 4-6 – Mongolian helmet, 1999.120, The Metropolitan Museum of Art; 7 – Oirat or Mongol helmet, GE 1550; 8 – Oirat spherocylindrical helmet, Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve.